

Л. И. Миссонова

Институт этнологии и антропологии

им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7376-3434

E-mail: missmila@iea.ras.ru

Новый этап возвращения наследия С. М. Широкогорова: страницы интеллектуальной биографии (1912–1939 гг.)*

АННОТАЦИЯ. Благодаря поддержке Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и Музея антропологии и этнографии РАН начался научный и издательский проект по первой публикации Ороченско-русского и русско-ороченского словаря С. М. Широкогорова. Последовавшая далее научно-исследовательская работа автора в архивах Польши и Японии привела к новому этапу в изучении эпистолярного наследия С. М. Широкогорова. Особенно ценной представляется переписка Широкогорова с В. Л. Котвичем с 1924 по 1939 г. Что касается словаря, то материал для него собран в Забайкалье в 1912–1913 годах, еще в начале исследовательской работы Широкогорова. Ученый пытался найти «чистый» тунгусский язык, но наблюдал и описывал процессы перехода тунгусо-говорящих на различные диалекты русского, якутского, монгольского (в т. ч. бурятского) языков. Более чем через двадцать лет после первых занятий темой, в 1939 году, теоретик Широкогоров напишет по-английски статью «Тунгусский литературный язык» (рукопись хранится в архиве Библиотеки Польской академии наук и Польской академии знаний в Кракове). Широкогоров не верил в будущее литературного письменного языка, который бы имел «классовый смысл» и был бы построен на искусственно навязанных орфографических и фонетических правилах. Следует отметить, что утверждения ученого носили сугубо академический, а не политический характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

тунгусы, ороконы, Забайкалье, Ороченско-русский и русско-ороченский словарь, тунгусский литературный язык, Широкогоров, Котвич

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Миссонова Л. И. Новый этап возвращения наследия С. М. Широкогорова: страницы интеллектуальной биографии (1912–1939 гг.). *Этнография*. 2020. 2 (8): 184–203.
doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-184-203

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

L. Missonova

N. N. Mikluho-Maclay Institute of Ethnology and
Anthropology of RAS
Moscow, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7376-3434>
E-mail: missmila@iea.ras.ru

**A new stage in the retrieval of the heritage of
S. M. Shirokogorov: the pages of his intellectual
biography (1912–1939)**

ABSTRACT. Thanks to the support of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, a research and publishing project aimed at the first publication of the Orochon-Russian and Russian-Orochon dictionary by Sergei M. Shirokogorov has been started. The materials for the dictionary were collected by Shirokogorov in the Transbaikal Region in 1912–1913 at the first stage of his research career. The scholar persisted in his attempts to find a pure Tungus language, while examining and describing the processes of transition of the Tungus-speaking people to various dialects of Russian, Yakut and Mongolian (including Buryat). In 1939, at the last stage of his career, Shirokogorov wrote his work *Tungus Literary Language* in English (the manuscript is housed in the Library of the Polish Academy of Sciences in Kraków). He did not believe in the future of the literary written language, which was supposed to have a “class meaning” and be created according to artificially imposed spelling and phonetic rules. It should be pointed out that Shirokogorov’s statements were academic, not political.

KEYWORDS:

Tungus, Orochons, Transbaikal
Region, Orochon-Russian and Russian-
Orochon dictionary, Tungus literary
language, Shirokogorov, Kotwicz

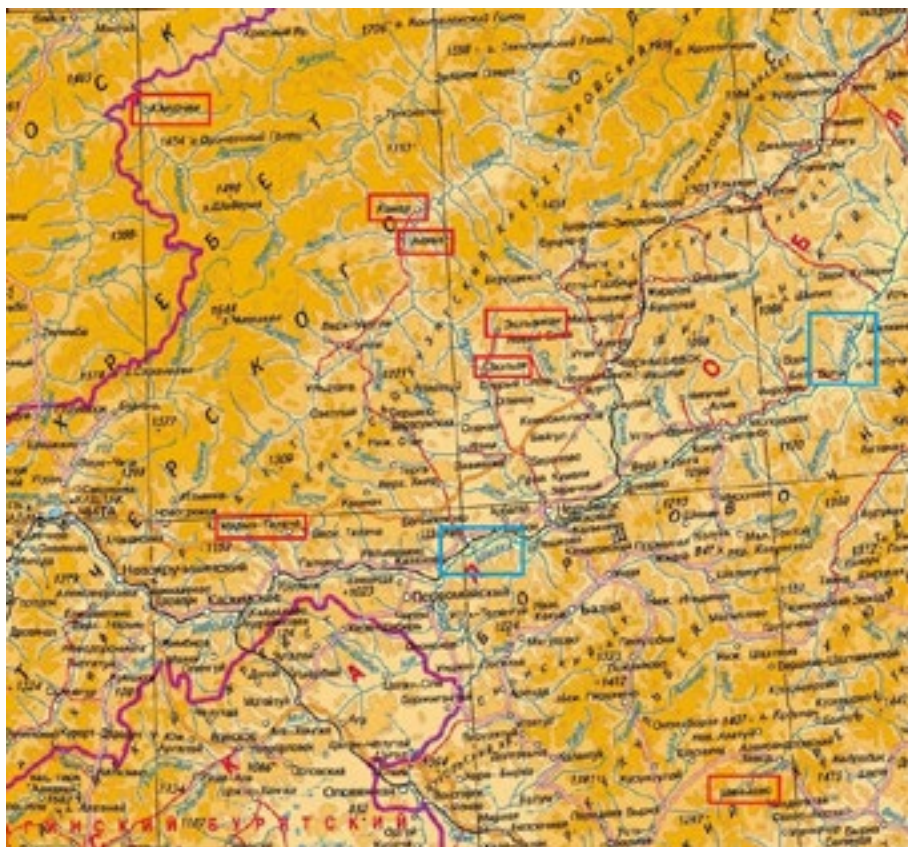
FOR CITATION:

Missonova L. A new stage in the retrieval of the
heritage of S. M. Shirokogorov: the pages of his
intellectual biography (1912–1939).
Etnografia. 2020. 2 (8): 184–203. (In Russ.)
doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-184-203

Сергей Михайлович Широкогоров родился в 1887 г. в России (близ Суздаля). Получив основное образование во Франции, куда он уехал в 1906 г., и вернувшись в Россию в 1910-м, он начал академическую карьеру одновременно в Санкт-Петербургском университете и Императорской Академии наук. В. В. Радлов настоятельно рекомендовал ему заняться «какой-нибудь группой языков», однако Широкогоров отказывался: «Мое возражение было то, что как “полевой исследователь” я был самому себе неизвестен и не знал[,] как нужно изучать языки» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 55). Летом 1912 г. он предпринял свою первую антропологическую экспедицию (СПбФА РАН. Ф. 849 [Д. К. Зеленина]. Оп. 5. Д. 793. Л. 2, 3) к тунгусам и орочонам в Забайкальскую область (самый первый опыт полевой работы был связан с археологической экспедицией на Кавказ в 1910 г.) (см. картосхему: ил. 1). Именно при работе в Забайкалье раскрылись активные творческие способности исследователя, для которого оказалось возможным (и даже необходимым!) собирать в комплексе и этнографический, и лингвистический, и фольклорный (в т. ч. музыкальный), и антропологический материал. Далее ученый ездил по Забайкалью, Амуру, Китаю.

После Октябрьской революции Широкогоров жил во Владивостоке, сотрудничая с Северо-Восточным антропологическим отделом Дальневосточного университета (1918–1922 гг.). С 1922 г. он вынужденно эмигрировал в Китай, где преподавал в разных университетах (в Шанхае, Амое, Кантоне — до 1930 г., далее в Пекине в университетах Фуиен и Циньхуа) и вел научную работу в ряде провинций (Фукиань, Кантон, Янань, северо-восточная часть Китая), постоянно занимаясь исследованиями по избранной теме (см. переписку Широкогорова и Котвича: Архив В. Котвича. Т. 6–7). Широкогоров умер в Пекине 19 октября 1939 г. (Иноуэ 1995: 134), его жизненный путь хорошо известен, однако без хотя бы краткого очерка трудно осмыслить выбранную тему.

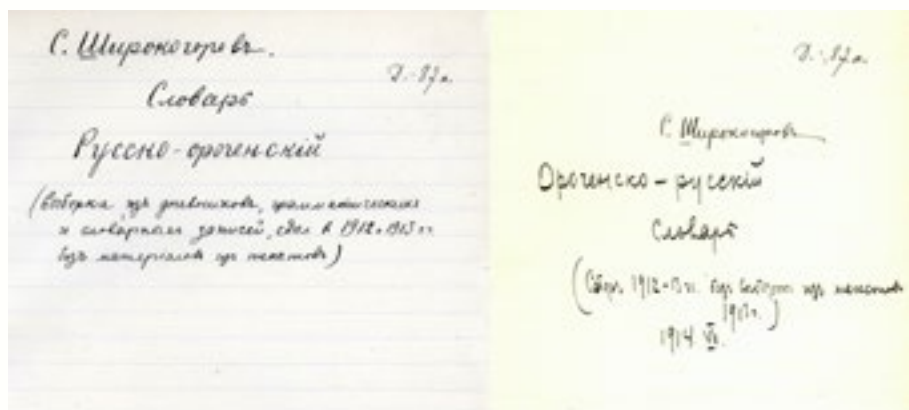
После ухода из жизни С. М. Широкогорова именно в китайской печати стали появляться первые воспоминания о нем и упоминания его работ. Так, Б. Б. Гуревич писал в харбинской газете «Заря» о своем необыкновенном знакомстве со знаменитым русским ученым и его женой, произошедшем еще до революции, в 1914 г., на китайской стороне Амура, в поселке Восьмын. В этот период С. М. Широкогоров возглавлял экспедицию, снаряженную Российской Императорской Академией наук для изучения быта тунгусов и орочон. Проведший полтора месяца вместе с путешественниками Гуревич отмечал, что Широкогоров работал по 18 часов в сутки и всю свою жизнь отдал на пользу человечеству. Супруга С. М. Широкогорова Елизавета Николаевна (после его смерти была профессором музыкального отделения Пекинского национального института)

Ил. 1. Картограмма района первой антропологической экспедиции С. М. Широкогорова в 1912–1913 гг. к тунгусам и ороченам в Забайкалье

Fig. 1. A schematic diagram of the area of the first anthropological expedition of S. M. Shirokogorov in 1912–1913 to the Tungus and Orochons in Transbaikalia

в письме Б. Б. Гуревичу отмечала, что Широкогоров за свою жизнь издал 50 работ на четырех языках и оставил ряд подготовленных к печати и большое количество черновых материалов (Гуревич 1940; Крадин, Решетов 2007: 5–6). Нельзя не отметить, сколь деятельным и верным другом ученого от самого начала до конца была Елизавета Николаевна Широкогорова (К 130-летию... 2017). Многочисленные подробные записи Елизаветы Николаевны в этнографическом экспедиционном дневнике и отчетах о поездках составляют важную часть экспедиционного материала (например, за период с 22 июня по 2 августа 1912 г., см.: СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 803. Л. 1–37; Д. 806. С. М. и Е. Н. Широкогорovy. Об ороченях и тунгусах. Отдельные главы. Фрагменты рукописи. На оборотах листов: отчеты о поездке к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг.). Что-то из наследия ученого ей удалось успеть

Ил. 2. Ороченско-русский (с. 7) и Русско-орочонский (с. 7) словари С. М. Широкогорова (титулы). 1914 г. Материалы для них собраны в 1912–1913 гг. МАЭ РАН

Fig. 2. Orochen-Russian (p. 7) and Russian-Orochon (p. 7) dictionaries of S. M. Shirokogorov (Titles). 1914. Materials for them were collected in 1912–1913. MAE RAS

опубликовать, но некоторые работы остались читателю неизвестны и, как оказалось, до сих пор ждут своего часа.

Так в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) нам посчастливилось обнаружить неопубликованный Ороченско-русский и Русско-орочонский словарь С. М. Широкогорова, материалы к которому собраны в 1912–1913 гг. и хранились первоначально в течение длительного времени в МАЭ РАН (ил. 2). При поддержке директора библиотеки Саргыланы Васильевны Максимовой и директора МАЭ РАН (Кунсткамеры) члена-корреспондента РАН Андрея Владимировича Головнёва родился обширный проект по подготовке и публикации словаря, составленного С. М. Широкогором более века назад. По оценке лингвистов и этнологов, обнаруженные материалы имеют крайне важное научное и социальное значение как для российской, так и для мировой общественности и науки.

Развернутая вслед за находкой научно-исследовательская работа в архивах Польши и Японии стала новым этапом изучения эпистолярного наследия С. М. Широкогорова. Особенно ценной оказалась многолетняя переписка Широкогорова и Владислава Людвиговича Котвича, охватывающая период с 1924 по 1939 г. Таким образом, в настоящее время работа над проектом проводится совместно МАЭ РАН (Санкт-Петербург), Институтом этнологии и антропологии РАН (Москва), Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Библиотечно-информационным фондом документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), Рукописным фондом Научной библиотеки Польской академии наук, Польской академией знаний (Краков), Университетом г. Торунь (Польша), Университетом Хоккайдо (г. Саппоро,

Япония), кроме того, в проекте задействованы материалы Отдела редкой книги и рукописей Центральной библиотеки Университета Тенри (префектура Нара, Япония).

Найденные в перечисленных архивах и библиотеках рукописные материалы ученого привлечены к исследованию по названному проекту. Предполагается подготовить их к печати и издать вместе со словарем.

Важно заметить что, по мнению лингвиста-тунгусоведа А. М. Певнова, подобный словарный материал был собран и опубликован ранее — Н. Н. Поппе в 1927 г. После Великой Отечественной войны эта книга по известным (однозначно веским и закономерным) причинам была изъята из библиотек. Между тем в ней есть словарь (21 стр.) баргузинских тунгусов, представляющий и в нашем столетии большую ценность. Было бы интересно с этносоциальной (имея в виду тунгусский социум) точки зрения опубликовать этот словарь вместе со словарем С. М. Широкогорова. Материалы обоих словарей очень близки по времени и, вероятно, были собраны примерно в одних и тех же местах. Однако здесь возникает закономерный вопрос: будет ли этически и исторически правомерной и справедливой публикация словаря Н. Н. Поппа в XXI в.? Этот вопрос остается открытым и требует обсуждения научной общественности. Сам С. М. Широкогоров, обсуждая с Владиславом Людвиговичем Котвичем, например, «енисейские» словари Котвича, Титова и Поппе, пишет: «Конечно, свести вместе весь материал было бы очень интересно и[,] я думаю[,] полезно, т. к. вот эти словари становятся почти раритетами, но и возражений много». Приведем также мнение Сергея Михайловича о словаре, высказанное в той же переписке (в декабре 1927 г.): «Вообще словарь Поппа сделан неплохо. Ошибок в нем немного, и переводы даны не плохо» (Архив В. Котвича. Т. 6. Л. 70). Затем он просит совета у своего корреспондента: «Как Вы думаете, в каких пределах я могу пользоваться Поппе и Титовым, чтобы не задеть их авторских чувств?» (Там же. Л. 71) Он активно интересуется опубликованными «солонскими материалами» Поппе и в январе 1934 г. (Там же. Т. 7. Л. 61 об.). Однако, обсуждая методологию Поппа в переписке с Котвичем в 1929 г., Широкогоров, не удивляясь оценке Котвича одной из работ Поппе («произвел ересь»), трагически замечает о трудах Поппе и его окружения следующее: «...они претендуют на новизну метода[,] которой нет на самом деле. Но они с самого начала отягощены рядом постулатов и формул[,] многие из коих определенно устарели (все рассуждения о тотемах...). Вообще у них[,] видимо[,] нет ни одного этнографа[,] который бы их должен был удержать от слишком легкого обращения с этнограф. теориями. Еще[,] конечно[,] хуже[,] когда они притягивают антропологию...» (Там же. Л. 21). Наконец в январе 1935 г. Широкогоров делает такое заключение: «О новых потерях русских ориенталистов я читал. По немногу [так!] они кончаются, а нового

приходит очень мало... Видимо[,] и Поппе[,] и Поливанов не из числа честных людей» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 64).

Переписка двух ученых однозначно свидетельствует об искренних и сильных переживаниях Широкогорова (а он был уверен в понимании Котвича, к которому обращался постоянно, считая его одним из своих учителей, и в письмах много лет подписывался: «искренне преданный и благодарный»!) по поводу состояния российской науки вообще и многих конкретных вопросов научного дискурса того времени (январь 1928 г.): «Выписал из Совдепии журналы: Антропологич., Эвгенический, Землеведение и Этнография. Я не могу сказать[,] чтобы они производили сильное впечатление... Чувствуется[,] что они идут в далеком хвосте немцев. Масса рабского подражания <...> второстепенным немецким sterialisten» (Там же. Т. 6. Л. 77).

Из переписки мы узнаем о творческих планах изучения и публикации «маньчжуро-тунгусских материалов». Так, в 1929 г. Широкогоров пишет в Японию Николаю Невскому (см.: Архив Н. Невского. Ил. 3.) о том, что в ближайшем будущем собирается «приготовить к печати <...> вторую большую работу о тунгусах и маньчжурах, в которой будет трактоваться о шаманстве» (эти периоды судеб Николая Невского и Широкогорова схожи, см.: Алпатов 2013: 74–81). «Официально орочены считаются православными, но в действительности они — настоящие шаманисты[,] и о христианстве не имеют никакого понятия» (Отчет о поездках... 1914: 134). При этом в январе 1934 г. в письме Котвичу он сетует: «Алькор, он же Кошкин, меня игнорирует и ничего не посылает, как и Поппе. Таким образом я не знаю об их больших проектах. Читал я о том, что коммунистические этнографы истребляют шаманство как “мелко-буржуазную” ересь <...> просто надувательство коммунистических заправил, которые держат деньги, и их нужно еще убедить в том, что эти никому ненужные “лингвисты и этнографы” могут пригодиться на социалистическое строительство. Отсюда и та наглость голодных людей, которая толкает многих “молодых”, да и старых тоже, на фиглярство в науке...» Трагедия, по мысли Сергея Михайловича, в том, что в России «старые» ориенталисты не передали по традиции своего научного комплекса новому поколению, и это характерно не только для ориенталистов: «Я не представляю себе, например, что будет с русскими историками, социологами и др. Перерыв в два-три десятилетия может совершенно прервать традицию. Особенно при том условии, что многие историки и социологи уничтожены физически». При этом ученый заключает, что «это только особые формы одного и того же процесса культурного сжимания, совершенно неизбежного в существующей мировой обстановке. Русский случай — это только частный и жестокий случай» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 61–61 об.).

В переписке с В. Котвичем Широкогоров с эмоциональной болью и многочисленными конкретными деталями (что позволяет понять,

и исторических ошибок, ошибки и упущения в обозначении расселения и именования народов, отсутствие «привязки» к конкретному времени и многие другие недочеты (см. ил. 4). В итоге он дает этой работе следующую характеристику: «...появление в свет <...> нового опозоривания Академии и русской науки!» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 47–49).

Из этой же переписки впервые становится известен факт, что Сергей Михайлович имел в своих планах изучение языка «ороков» (то есть уйльта) Сахалина, что могло осуществиться в 1925 г., если бы удалось найти «хотя бы небольшие средства» на поездку; он писал в 1924 г. и о том, что у них с Елизаветой Николаевной на Сахалине есть друзья-тунгусы, к которым она ездила (на месяц в 1924 г., чтобы избежать тропической жары в Китае), соединив «отдых с небольшим делом» (Там же. Т. 6. Л. 12 об.–13). Учитывая, что в тот период Елизавета Николаевна могла быть на Сахалине, относящемся только к Японскому Карафуто (1905–1945 гг., Южный Сахалин), скорее всего, она могла посетить корсаков и тунгусов (то есть эвенков и уйльта/ороков, ведущих зачастую совместное оленеводческое хозяйство в смешанных браках) в Поронайском районе Сахалина (на острове Сачи — японское название тех лет).

Значительный вклад супругов Широкогоровых в изучение северных тунгусов оценила Г. М. Василевич. Она опиралась на работы С. М. Широкогорова, опубликованные в 1919, 1923, 1926, 1929, 1934, 1935 гг.; переписывалась с ним и в январе 1935 г. просила его об обмене книгами (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 64). Василевич также отметила, что «Широкогоров первым попытался изложить свою гипотезу об этногенезе тунгусоязычных народов <...>. Его этнографические материалы по эвенкам с бассейна Витима и с правых средних притоков Амура очень ценны» (Василевич 1961: 32, 36, 79–82). В переписке с Котвичем постоянно поднимаются вопросы, связанные с проблемами происхождения тунгусоязычных народов.

Как предполагал С. М. Широкогоров, первичный очаг формирования предков северных тунгусов располагался в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы (подробнее об этом см.: Туров 2008: 23–24). Дальнейшая миграция предков тунгусов, по представлению ученого, подразделяется на два этапа. Первый этап был связан с освоением ландшафтов и биоценозов горной тайги в бассейне Уссури и Сунгари для интенсивного развития охотничье-оленинководческого хозяйства. Второй этап стал следствием того, что маньчжуры переходили на земледелие и скотоводство, и поэтому шел процесс борьбы за хозяйственные территории. Более того, образование государства чжурчженей в конечном счете привело к тому, что в IV–VI вв. н. э. предки северных тунгусов оказались окончательно вытеснены со своей предполагаемой «исторической прародины». Таким образом, они продвигались на север, осваивая таежные пространства к северо-западу

Ил. 4. Письмо С. М. Широкогорова В. Л. Котвичу. 1932 г. / Архив Владислава Котвича. № 4600, т. 7, л. 47–49. Библиотека Польской академии наук и Польской академии знаний (г. Краков)

Fig. 4. Letter from S. M. Shirokogorov to V. L. Kotvich. 1932 / Archive of Vladislav Kotvich. No. 4600, t. 7, p. 47–49. Library of the Polish Academy of Sciences and the Polish Academy of Knowledge (Krakow)

и востоку от Яблонового и Станового хребтов (Туров 2008: 24–25) (см. картосхему: ил. 5).

Очень важное место в представлении тунгусов об окружающем мире занимают о небесный свод и светила, а также три мира (верхний, средний и нижний). Это не могло не найти своего отражения в орнаментах, имеющих сакральное значение (ил. 6–9). В переписке с В. Котвичем

Ил. 5. Картограмма первичных очагов формирования и расселения предков северных тунгусов по предположению С. М. Широкогорова

Fig. 5. Map of the primary foci of formation and settlement of the ancestors of the northern Tungus, as suggested by S. M. Shirokogorov

поднимается множество вопросов, которые обсуждаются в научной литературе и спустя 100 лет. Например:

...что касается огона, то же значение «захождения» как это от бурятского <...> меня навело на мысль об этнографическом комплексе «захода — восхода» etc.[,] т. е. движения солнца как одушевленного существа. Огона <...> мне представляется <...> формой от ого — входить <...> в этнографическом сознании Монголов их старый термин от ого — входить [Мне очень приятно, что ого — место, etc. Вы считаете турецким, т. к. <...> мне всегда казалось[,] что это слово не тунгусское и не монгольское, а источника я не знаю] (Архив В. Котвича. Т. 6. Л. 58).

Солнце, как мне кажется, в сознании Монголов проделывает свой путь «встав, спустившись»[,] а вечером возвращается и «входит» к себе, т. е. восходит, идет, заходит; встает, идет, садится [как это существует в европейских языках] (Архив В. Котвича. Т. 6. Л. 59).

Любопытно, что и теоретизирующие манджуры не знающие живого манджурского языка и читающие по-манджурски, как мы читаем по латыни[,] иногда пытаются читать букву за буквой... (Там же. Л. 61).

Эти темы обсуждала с С. М. Широкогоровым и Г. М. Василевич. Характерно, по ее мнению, что «небесный свод у эвенков называется буга, нянгня, калан...». Название буга характерно для тунгусов Нижнего Приамурья. Г. М. Василевич приводит еще два названия для небесного свода, которые отметил С. М. Широкогоров: коклон и туру (Василевич 1961: 552; Shirokogorov 1935: 56, 61).

О местах работы Широкогорова в 1912–1913 гг. определенно и достоверно свидетельствуют вещи и фото, собранные им вместе с Елизаветой Николаевной для коллекции МАЭ РАН: «В Тыксыре нами было сделано более 50 фотографических снимков, зарисованы орнаменты, и Е. Н. Широкогорова специально изучала музыку и танцы. От антропометрии, по причине недостатка материала, пришлось отказаться, если не считать 6 мужчин и 1 женщину, измеренных по неполной программе» (Отчет о поездках... 1914: 136). След названных орнаментов, к сожалению, утерян. В итоге в МАЭ РАН хранятся ныне три коллекции.

31 октября 1912 г. Широкогоров зарегистрировал коллекцию под номером 2003, в которой значатся 13 «предметов обихода», относящихся к ороченам и тунгусам кочевым Забайкальской области Читинского уезда (селение Тыксыр на притоке реки Нерчи). Среди этих предметов кисеты из оленьего меха и меха козули, мешки для чая, муки и крупы, люлька, «кукла из тряпок», «маленькая тупая стрела», «мешочек для ношения кремня», сумы для оленьего седла (из бересты, обтянутые оленьим мехом, с орнаментом).

Коллекция 2067 хранит ороченский ковер «из голов молодых изюбров», привезенный из Забайкальской области Баргузинского уезда. Ковер зарегистрирован в музее Широкогоровым 22 ноября 1913 г.

Коллекция № 2216 также зарегистрирована им в ноябре 1913 г. В ее состав входят ороченские (в данной коллекции встречается у Широкогорова и наименование «орочонские») «вещи культа, одежды, орудия» (131 предмет), также собранные в Забайкальской области Баргузинского уезда (выявлено, что сведения о данной коллекции до сих пор не публиковались) (ил. 8).

Ил. 6. Трафарет орнамента для рукавиц. Тунгусы. Сбор С. М. Широкогорова и Е. Н. Широкогоровой. 1915–1916 гг. Маньчжурия, Хэйлуньцзянская провинция, Хэйхэский округ, р. Кумара. МАЭ РАН. № 2649-39/3

Fig. 6. A pattern stencil for mittens. Tungus. Collection by S. M. Shirokogorov and E. N. Shirokogorova. 1915–1916. Manchuria, Heilunjiang Province, Heihessky District, r. Kumara MAE RAS. No. 2649-39/3

Ил. 7. Трафарет орнамента. Тунгусы. Сбор С. М. Широкогорова и Е. Н. Широкогоровой. 1915–1916 гг. Маньчжурия, Хэйлуньцзянская провинция, Хэйхэский округ, р. Кумара. МАЭ РАН. № 2649-39/4

Fig. 7. A pattern stencil. Tungus. Collection by S. M. Shirokogorov and E. N. Shirokogorova. 1915–1916. Manchuria, Heilunjiang Province, Heihessky District, r. Kumara. MAE RAS. No. 2649-39/4

Кроме того, в фондах МАЭ РАН хранятся 116 негативов, сделанных С. М. Широкогоровым среди орочен и кочевых тунгусов Забайкальской области Читинского уезда (селение Тыксыр на реке Акиме, притоке реки Нерчи), они зарегистрированы 31 октября 1912 г.

Последний словарь Широкогорова был опубликован как фотоматериал рукописи в Токио в 1944 году (*A Tungus Dictionary...*). Что именно представляет собой данное наследие 1912–1913 гг.? В настоящее время ведется обширная публикация различных материалов по ороченским/тунгусским языкам и диалектам. Обсуждаемый словарь представляет собой разновидность языка (российской тунгусской общности), однозначно не введенной в научный оборот. В ходе проекта предстоит определить, к какой именно тунгусской этнической общности относятся словарные материалы. О какой именно этнической общности идет речь? Вот

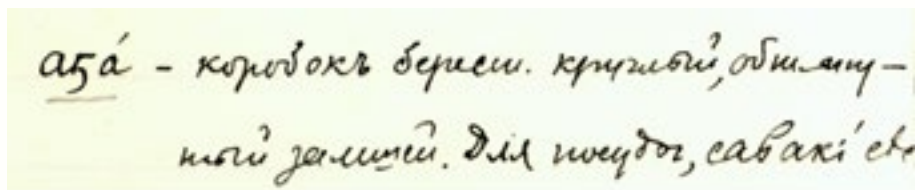

Ил. 8. Сосуд берестяной *аба́*. Орочены. Сбор С. М. Широкогорова. Забайкальская обл. Баргузинский уезд. 1913 г. МАЭ РАН. № 2067-35

Fig. 8. *Аба́* birch bark vessel. Orochons. Collection of S. M. Shirokogorov. Transbaikal Region Barguzinsky District. 1913.. MAE RAS. No. 2067-35

что читаем в архивных материалах Широкогорова о том, кого он называет ороченами: «...под именем орочен я буду разумеать не только орочен Нерчинского и Читинского уез., как это принято официально и перенесено г. Паткановым в литературу, а всех забайкальских тунгусов-оленоводо́в, в противоположность кочевым тунгусам-скотовода́м» (СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 1).

По отчету С. М. и Е. Н. Широкогоровых о командировке к тунгусам Забайкальской области в 1912 г. понятно, что главной целью с самого начала было «изучение местного тунгусского языка». Далее читаем разъяснения: «Еще в 40-х годах мин. ст. на территории теперешних Читинского и Нерчинского уу. Кастреном были изучены два диалекта забайкальских тунгусов — урульгинских и маньковских. По имеющимся данным <...> тунгусов, действительно, можно было найти в этих местах, и мы <...> прибыли в тунгусский улус Нарынъ-Талача Урульгинской волости». Здесь Широкогоровыми было установлено, что «урульгинские тунгусы успели забыть свой родной, тунгусский язык, а говорят на испорченном бурятском...» Далее они пишут: «В других улусах мы встречали тунгусов, умеющих говорить по-ороченски». Широкогорову стало известно, что кочевые тунгусы живут еще в Маньковской и Шандуинской волостях. Однако, как пишут Широкогоровы в отчете, «из расспросов урульгинских тунгусов выяснилось, что в указанных волостях едва ли удастся найти знающих тунгусский язык, и нам ничего не оставалось, как в поисках за языком отправиться на север к ороченам». Здесь их «ожидания найти чистый тунгусский язык увенчались успехом». Однако орочены этого селения, как пишет Широкогоров, сохранили лишь кое-что из культуры орочен-оленоводо́в, так как с оседлостью перешли к коневодству и скотоводству (то есть коневодству с незначительной долей скотоводства — разведения

Ил. 9. Фрагмент страницы 9 Ороченско-русского словаря С. М. Широкогорова. Словарная статья *аба́*. МАЭ РАН

Fig. 9. Fragment of page 9 of the Orochon-Russian dictionary by S. M. Shirokogorov. Dictionary entry *аба́*. MAE RAS

крупного рогатого скота), а «вместе с этим оказались под влиянием тунгусов, кочевых бурят и русских». Переход к оседлости исследователь объясняет так: «Во второй половине 90-х годов орочены Нерчинской тайги, а также и Баргузинской, вследствие эпидемии, потеряли почти всех оленей и поселились в ближайших к Нерчинской тайге селениях обрусевших тунгусов — Кыкыре, Акиме, Зюльзе, Зюльзикане, а также и в других более близких к р. Шилке. 24 семьи осели на р. Акиме и несколько семей — на р. Юмарчене (прав. приток р. Витима). Образовавшееся на р. Акиме селение было названо Тыксыр». Авторы отчета обращают внимание на то, что со времени падежа оленей и переселения в русские деревни начинается интенсивное обрусение нерчинских орочен. При этом главным промыслом оседлых орочен, как и раньше, является охота, а не скотоводство (Отчет о поездках...: 129, 132, 133).

Исследования Широкогорова, как он сам отмечает, не были ограничены только оседлыми ороченами. Так как в Тыксыр довольно часто заходили орочен-оленоводы, у ученого была возможность видеть две семьи оленных орочен, остававшиеся в Тыксыре около десяти дней. Широкогоров отмечает, что поскольку «временем мы были сильно ограничены, то главное внимание было обращено на изучение языка, причем я записал около 1 800 слов, до 300 фраз и 5 небольших текстов рассказов <...>. Как и следовало ожидать, между диалектами, изученными Кастреном, и ороченским диалектом оказались существенные морфологические и фонетические различия <...>. При сборе словарного материала мною было обращено особое внимание на термины родства и на названия племен и родов...» (Отчет о поездках... 1914: 135). Необходимо отметить, что все эти комментарии и выводы сделаны начинающим исследователем, старающимся проникнуть в глубину жизни изучаемых этнических обществ и как можно более глубоко погрузиться в познание их языковых различий.

За время пребывания у орочен Широкогоровым было заполнено 15 фонографических валиков (песни, сказка и рассказы). Видимо, именно

Е. Н. Широкогорова помогала в записях, она оставила важные музыковедческие комментарии:

Ороченская песня вполне своеобразна. Приходится отметить, что русское и бурятское влияния, если и имеются, то очень незначительные, и в тематическом отношении ороченские песни вполне оригинальны. Для ороченской песни характерно частое использование стаккато наряду с легато и частая смена форто и пиано; ритмы весьма разнообразны, темпы также. К этому еще необходимо прибавить большое разнообразие мотивов, мягкий, негорланый тембр голосов и пение хоровых песен не в унисон. Песни и мотивы кочевых тунгусов, заимствованы вместе с языком у бурят и, вероятно, сильно упрощены. Кроме того тунгусы гораздо реже вообще поют и менее общественны, чем орочены. Как у тех, так и у других музыкальных инструментов нет, если не считать «варганчика» (Отчет о поездках..., 1914: 135–136; Рукописный фонд ИРЛИ РАН).

Обратим внимание, насколько важными были эти первые полевые годы для всей творческой жизни ученого. В одном из писем Котвичу (в феврале 1933 г. из Пекина) Широкогоров отметил, что впервые сформулировал «сущность теории этноса, отчасти как результат операции с большим количеством народов по литературе и отчасти после встречи с живыми группами Забайкалья» в 1912 г. Параллельно с этим он сам считал очень большой и кропотливой работой «этнологического подхода» (которую он осуществил в первый год жизни в Петербурге после четырех с лишним лет жития в Париже) «применение статистического метода к вопросу о формах социальной организации и условий технической культуры, а также связи с первичной средой» на материалах «свыше двух тысяч народов преимущественно Африки, Индии и Америки... (Нужно сказать, что в то время мой интерес к Сибири был слаб)» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 55).

Кроме вышеназванного Ороченско-русского и русско-ороченского словаря, для русскоязычного читателя оказалась практически недоступной, можно сказать, итоговая работа ученого. Это также неопубликованная при жизни статья С. М. Широкогорова «Тунгусский литературный язык». Первая попытка ее перевода была осуществлена в 1995 г. в Южно-Сахалинске, но переводился не оригинал, а отредактированный вариант (Вступительная статья Иноуэ 1995). Оригинал (машинописная рукопись) хранится в Архивном отделе Библиотеки Польской академии наук в г. Кракове. Эта работа была обнаружена и впервые опубликована японским профессором Коити Иноуэ (профессор Университета Хоккайдо из г. Саппоро работал в тот момент с документами В. Котвича. В. Котвич был главным редактором журнала «Польского товарищества ориенталистов»).

Критическая статья С. М. Широкогорова, написанная в 1939 г., стала очень актуальна в современном научном дискурсе. В ней поднимаются острые вопросы о будущем, которое ждет тунгусский язык. Очевидно также, что публикация предлагаемого словаря ороченского языка, материалы для которого были собраны на первом этапе полевых исследований начинающего ученого, и его заключительной статьи, в которой он делится размышлениями о тунгусском языке, крайне важна на современном этапе развития науки ввиду нового витка интереса тунгусских народов России к своим родным языкам.

На первой ступени своего творческого пути, активно собирая этнографический и лингвистический материал, Широкогоров предпринимал все возможные усилия для сохранения знаний об изучаемых тунгусских народах. Как отмечают современные лингвисты, в найденных материалах мы находим весьма своеобразную транскрипцию Широкогорова и собственные, отличающиеся от принятых, правила записи полевого материала (вероятно, это объясняется отчасти небольшим полевым опытом ученого). Однако скрупулезность и охват тем в этих записях восхищают. Ученый с самого начала был озадачен тем, чтобы поработать с как можно большим количеством информантов, владеющих родным языком свободно, для того чтобы зафиксировать и сохранить для новых поколений все языковое богатство. Уже будучи сложившимся ученым и видным теоретиком, Широкогоров приходит к выводу о том, что «литературный тунгусский язык не имеет ни научной ценности, ни будущего». На первый взгляд это звучит из уст исследователя и странно, и некорректно. Однако эту фразу нельзя воспринимать как приговор языку. Это надо понимать как выстраданный вывод из анализа деятельности советских чиновников, которые, не имея опыта управления, «искренне верили», что можно найти (и воспитать) людей, способных не только выработать практические меры для усмирения тунгусов, но и оправдать бы эти меры и проталкивать удобные новой власти идеи. В таком контексте создание письменного языка, по убеждению Широкогорова, должно было содействовать этому процессу и способствовать воспитанию необходимого тунгусского сознания. Для «расцвета национальной культуры» (как его понимали представители диктатуры пролетариата) необходим был письменный тунгусский язык. Именно коммунистическая партия определяла языковую политику. В переписке с В. Котвичем еще в феврале 1933 г. Сергей Михайлович писал: «Не мудрено, что в совдепии все замирает! Возможно ли заставить людей “творить” по программе и заказу? Все-таки, наука[–] это не то[,] что сапожное или часовое ремесло! Впрочем, им виднее[,] какая наука их может удовлетворить. Я думаю[,] большое число “ученых” могут подойти под их требования» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 54). Одним словом, ученый не мог смириться с тем, что лингвисты обязаны были заниматься не столько теоретическими или практическими естественными

проблемами языка, сколько языковой политикой: создавать письменность, которая бы имела классовый смысл, так как, по мнению новой власти, «всякая орфография имеет классовый смысл», а буржуазия всех стран желает обессмертить свою орфографию, навязывая ее изучение рабочему классу (Вступительная статья Иноуэ 1995). Какое же будущее может быть у литературного (письменного) языка, построенного, по сути, на искусственно навязанных орфографических и фонетических правилах?

Вместе с тем ученый наблюдал и описывал процессы перехода тунгусоговорящих на различные диалекты русского, якутского, монгольского (в т. ч. бурятского) языков. И это был естественный языковой процесс, в отличие от искусственного создания письменности. Вот как он пишет об этнической среде, в которой жили, например, орочены: «...если схематически представить распределение населения в Забайкальской области, то приблизительно получится следующая картина: ороченны на севере <...> граничат с якутами, с юга граничат с бурятами и отдельными группами кочевых тунгусов, которые отодвинуты к ороченам бурятами, группы бурят вклинивают в границы орочен; к югу от полосы бурят с запада на восток идет культурная русская...» (далее лист отсутствует) (СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 23). Широкогорov отмечал, что люди, не владеющие тунгусским языком, «записывались тунгусами» только для того, чтобы пользоваться различными привилегиями (по налогам и проч.). Он не видел будущего в сохранении тунгусского/ороченского самосознания у таких людей, был уверен, что дезорганизация тунгусского национального комплекса приведет к денационализации их как этнических общностей. Правомерным было и переживание ученого о том, что в основе грамматики тунгусского письменного языка был лишь один из его диалектов. При этом один диалект не может отражать все правила грамматики языка. В итоге получается, что создавалась вообще грамматика не тунгусского языка, а грамматика придуманного (созданного, несуществовавшего) языка. Именно поэтому Широкогорov утверждал, что такой письменный язык не может иметь ценности для всестороннего познания тунгусского языка. Кроме того, в отношении языков и диалектов он неоднократно отмечал: «Я боюсь[,] что любая схема скоро придет в конфликт с фактами, по мере их роста» (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 41).

Японский антрополог Коити Иноуэ, изучавший наследие Широкогорова, делает следующий вывод: утверждения Широкогорова были академическими, а не политическими (см. также: Кузнецов 2017: 108), его предсказания о потере тунгусами своего национального самосознания вовсе не желаемый им результат, однако именно он имел смелость заявить о неизбежности этого процесса, так как уже был его свидетелем. Конечно, выводы ученого нельзя переносить механически на наше время. К. Иноуэ пишет, что сам он в течение нескольких лет вел полевые исследования в Хулунбуире и северо-восточном Китае, изучая тунгусское

население, наблюдал, как китайские эвенки проявляют острый интерес к формированию письменности для их языка (солонский диалект), и отмечает: «...я не могу не вспомнить высказываний Широкогорова, касающихся инициативы и принятия участия носителей языка. Если бы С. М. Широкогоров был жив сейчас, он был бы лучшим консультантом в их деятельности. Это значит, что <...> он ушел слишком рано» (Вступительная статья Иноуэ 1995: 137–138). С этим заключением нельзя не согласиться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека Польской академии наук и Польской академии знания (г. Краков). Архив Владислава Котвича. № 4600, т. 6 (1924–1928), л. 1–90 (с об.); т. 7 (1929–1939), л. 1–88 (с об.).

Библиотека Университета Тенри. Архив Н. А. Невского. № 088-12-C5(4) (B700). Л. 1–2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Д. 44228. Л. 12.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Звуковой депозитарий. Экспедиционные записи С. М. Широкогорова у ороченгов Забайкальской области в 1912 г.: 15 фонографических валиков (песни, сказка и рассказы).

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН). Этнографические коллекции С. М. и Е. Н. Широкогуровых в фондах МАЭ РАН.

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Библиотечно-информационный фонд документов.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФА РАН).

Алпатов Е. М. Николай Александрович Невский – японист // Николай Невский: жизнь и наследие: сб. статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев, В. В. Щепкин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 292 с., ил.

Иноуэ К. Вступительная статья. Широкогоров С. М. Тунгусский литературный язык // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 134–139.

Василевич Г. М. Рукопись «Эвенки. Этнографическая монография». Книга первая. 1961 / Библиотечно-информационный фонд документов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

Гуревич Б. Б. Светлой памяти проф. С. М. Широкогорова. К первой годовщине его смерти // Заря. Харбин, 1940. 19 ноября.

К 130-летию со дня рождения С. М. Широкогорова (Специальная тема номера). Отв. ред. А. А. Сирина, В. Н. Давыдов // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 5–66.

Крадин Н. П., Решетов А. М. Н. Л. Кощевский и С. М. Широкогоров: дружба и сотрудничество в китайской эмиграции // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 5–13.

Кузнецов А. М. Кто Вы, профессор Широкогоров? Или, осторожно — фальсификация // Вестник антропологии. 2017. № 4. С. 107–118.

Отчет о поездках к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. С. М. и Е. Н. Широкогуровых // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия 2. № 3. 1914. С. 129–146.

Поппе Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927.

Туров М. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: «Амтера», 2008. 228 с.

A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts By The Late Prof. S. M. Shirokogorov. Tokyo (Nippon): The Minzokugaku Kyōkai, 1944. 258 p.

Shirokogorov S. M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.

REFERENCES

A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts By The Late Prof. S. M. Shirokogorov. Tokyo (Nippon): The Minzokugaku Kyōkai, 1944. (In English).

Alpatov E. M. [Nikolai Alexandrovich Nevsky — Japanese]. *Nikolaj Nevskij: zhizn' i nasledie: sb. statej* [Nikolay Nevsky: life and heritage: a collection of articles]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2013. (In Russian).

Inoue K. [Introductory article. Shirokogorov S. M. Tungus literary language]. *Kraevedcheskij byulleten* [Local History Bulletin], 1995, no. 1, pp. 134–139. (In Russian).

Kradin N. P., Reshetov A. M. [N. L. Koshevsky and S. M. Shirokogorov: friendship and cooperation in Chinese emigration]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie], 2007, no. 6, pp. 5–13. (In Russian).

Kuznecov A. M. [Who are you, Professor Shirokogorov? Or, caution — falsification]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2017, no. 4, pp. 107–118. (In Russian).

Poppe N. N. *Materialy dlya issledovaniya tungusskogo yazyka. Narechie barguzinskih tungusov* [Materials for the study of the Tunguska language. Adverb of the Barguzin Tungus]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1927. (In Russian).

Shirokogorov S. M. *Psychomental complex of the Tungus.* London: Kegan Paul, trench, Trubner & Co, 1935. (In English).

Turov M. G. *Evenki. Osnovnye problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii* [Evenki. The main problems of ethnogenesis and ethnic history]. Irkutsk: «Amtera» Publ., 2008. (In Russian).

Submitted: 19.12.2020

Accepted: 06.02.2020

Article is published: 01.07.2020